

СТРОИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

НАШ НАРКОМ

ПО НЕУМОЛИМОМУ закону жизни с каждым годом все меньше остается людей, которые знали Анатолия Васильевича Луначарского, работали с ним и радовались, что они его современники. А для нынешнего молодого поколения имя Луначарского стало легендарным. Его многосторонняя деятельность — трибуна, большевика-пропагандиста, ученого, философа, историка и теоретика искусства, литератора и публициста дает живой пример самоотверженного служения идеям революции.

Перелистывая уже пожелтевшие от времени, но вечно волнующие страницы газет и журналов первых лет революции, всюду находишь имя Луначарского, как только дело касается школ, театров, музеев, выставок, лекций. В тяжелые годы голода и разлуки, в разоренной гражданской войной и интервенцией стране было начато небывалое культурное строительство. Луначарский, первый народный комиссар по просвещению, весь отдавался этой работе, ставшей содержанием его жизни. По его собственному признанию, дни его так переполнены «самой горячей работой», что он спит от трех до пяти часов в сутки.

«Революция приносит с собой идеи замечательной широты и глубины, она зажигает вокруг себя чувства напряженные, героические, смелые...» Эти слова Луначарского как бы освещают тот славный путь, по которому он шел с первых дней Октября.

Перенесемся в воображении в Петроград конца 1917 года. Огромный холодный зал бывшего министерства просвещения. Одинокая лампочка тускло освещает собравшихся. Пестро одетые люди, горящие желанием работать по народному просвещению, и тут же — угрюмые министерские чиновники, канцеляристы, решившие, наконец, отказаться от саботажа. Все еще неустойчиво, и наряду с восторженностью в этой аудитории немало насмешливого скептицизма. Ведь реакционная печать за рубежом трубит о том, что большевики скоро падут и что царские генералы положат конец «анархии». И вот в этом мрачном зале народный комиссар Луначарский произносит речь. Блестяет стекла его пенсне, голос звучит твердо и убедительно. Через несколько минут разношерстная аудитория захвачена масштабностью речи. Тридцать дней прошло с тех пор, как установилась Советская власть, говорит оратор, и это маленький, но знаменательный юбилей. И он вспоминает и библейские семь дней, которые будто бы понадобились для сотворения мира, и сорок дней потопа, и сто дней Наполеона, и семьдесят два дня Парижской Коммуны. Молодые энтузиасты и старые чиновники одинаково рукоплещут. Анатолий Васильевич заканчивает: «Товарищи, нам наши враги предсказывали, что мы не сможем продержаться больше трех дней. Другие, более сдержанные пророчили нам не более двух недель — видите, что мы держимся уже целый месяц, и я вас заверяю, что если вы придете сюда через три года, то мы еще тоже будем держаться!»

И снова взрыв аплодисментов и подъем в аудитории, захваченной го-

рачей убежденностью оратора.

Много раз я слышал выступления Луначарского в различных аудиториях и на протяжении ряда лет. И всегда поражало его умение находить общий язык со слушателями, будь это рабочие, красноармейцы, интеллигенты, заражать их своим темпераментом и неистощимым остроумием. Широкая образованность Анатолия Васильевича, его огромная эрудиция в самых разнообразных областях искусства и науки, его большая чуткость и отзывчивость пленяли всех, кто с ним общался. Эти высокие человеческие качества Луначарского помогли привлечь на сторону революции многих колебавшихся и даже враждебно настроенных артистов и художников. Вл. Ив. Немирович-Данченко вспоминал: «Люди театра не забыли, как в первые месяцы революции они приходили на собрания, зараженные «протестом» до зубов, со стиснутыми скулами, а после полурасчарованной зажатой речи, под мягкими, но беспощадными ударами железной логики сбрасывали с себя все сомнения и с места рвались в бой за вожаком. Самые непримиримые, самые упрямые!».

Опыт революционной борьбы, многолетнее общение с В. И. Лениным и работа под его руководством, редкий талант художника-мыслителя определили ту широту и многогранность, которые были характерны для деятельности первого комиссара по просвещению молодой Советской республики. Глубокая убежденность, что именно победивший пролетариат должен быть законным наследником всех духовных ценностей, созданных человечеством, подлинная партийность в понимании им долга революционного художника, долга советского деятеля культуры обусловили страстное, боевое отношение Луначарского к самым различным проблемам социалистического искусства.

Восемь томов собрания сочинений Луначарского, которые выходят сейчас в издательстве «Художественная литература», включают лишь небольшую часть его огромного литературного наследия. Несколько тысяч исследований, статей, этюдов, рецензий, обзоров посвящены литературе и искусству прошлого и современности. До сих пор с большим интересом мы читаем критические работы Луначарского, написанные с эрудицией ученого и образностью художника. Пушкин, Шекспир, Гоголь, Достоевский, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Бетховен, Римский-Корсаков, Лопе де Вега, Бальзак, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Белинский, Мольер, Гете, Гейне, Лев Толстой, Горький, Маяковский, Брюсов, Блок — вот самый краткий перечень деятелей культуры, о которых проникновенно писал Луначарский. Большинство его статей не потеряло живой ценности, выдержав испытание временем. Это объясняется тем, что, изучая далекое прошлое, исследователь всегда умело сопоставлял его с современностью и делал смелые обобщения. «Кто был хорошим современником своей эпохи, тот имеет наибольшие шансы оказаться современником многих эпох будущего», — писал Луначарский в статье о Пушкине.

Все заметные явления в литературе и искусстве нашли оценку у Луначарского — литературного, театрального и художественного критика. Вспоминается, как Анатолий Васильевич помогал Маяковскому в постановке «Мистерии Буфф», как он сразу высоко оценил «Тихий Дон» Шолохова, «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Цемент» Гладкова, «Разгром» Фадеева. Он любил слушать поэтов и драматургов, читавших свои произведения. Часто в его квартире в Москве, в Денежном переулке собирались писатели, артисты, художники, музыканты и горячо спорили о путях искусства. Анатолий Васильевич никогда не подавлял авторитетом, не навязывал своего мнения и своих вкусов и с большим вниманием относился к новаторским исканиям художников. Он часто говорил, что любит новаторство, но не штукаторство. Сам он по своим воззрениям был реалистом и утверждал реализм в искусстве. Еще в 1926 году он писал: «В философии — материализм, в искусстве — реализм. Это связано одно с другим. Пролетариат любит действительность, перерабатывает действительность и в искусстве как идеологии ищет помощника познания действительности и преодоления ее».

Луначарский, проводя ленинскую политику партии в области искусства, влиял и на судьбы мастеров мировой прогрессивной культуры. Недаром Ромен Роллан назвал его «всеми уважаемым послом советской мысли и искусства» на Западе. Во всех европейских странах и за океаном прислушивались к страстному и взволнованному голосу Луначарского, глубоко и правдиво оценивавшего творчество Бернарда Шоу, Анри Барбюса, Ромен Роллана, Бертольта Брехта, Герберта Уэллса, Гергарта Гауптмана, Мартина Андерсена-Нексе. Руководя Международным бюро связи пролетарской литературы, Луначарский ратовал за дружбу и взаимопонимание советских и передовых зарубежных деятелей культуры. Выступления Анатолия Васильевича в Женеве на конференциях по разоружению звучали могучим призывом к миру и единению народов, против войны.

Верный идеям пролетарского интернационализма, Луначарский чутко следил за всходами новой социалистической культуры в национальных республиках. Уроженец Украины (Луначарский родился в Полтаве 23 ноября 1875 года), он прекрасно знал и любил украинские народные песни и думы, увлекался гневной и скорбной музыкой великого Шевченко. Он читал наизусть многие его революционные стихи, нередко цитировал их в своих речах и докладах. Чуть ли не первый в марксистской критике Луначарский дал четкий анализ поэзии Тараса Шевченко, и его доклад 1911 года, прочитанный в Париже, до сих пор не потерял боевой ценности.

Сейчас, когда мы привыкли к культурному обмену между национальными республиками, смотрим в Москве и других городах нашей страны спектакли республиканских театров, стоит вспомнить, что почин этой

замечательной мысли принадлежит Анатолию Васильевичу. Культура Украины и Белоруссии, Грузии и Армении, Азербайджана и среднеазиатских республик всегда была в полноте зрения Луначарского, и он охотно откликался на любое знаменательное событие в их жизни.

Путь профессионального революционера, прошедшего сквозь царские тюрьмы, ссылки и политическую эмиграцию, активного участника революций 1905 и 1917 годов определил марксистское мировоззрение Луначарского. Независимо на некоторые философские заблуждения, он всегда был и оставался верным борцом за новую социалистическую культуру. В течение двенадцати лет Луначарский беспрерывно был народным комиссаром по просвещению, и нельзя забыть о той огромной работе, которую он проделал для воспитания советской молодежи.

Когда-то Анатолий Васильевич писал: «...Тот, кто выражает черты своего времени, роднящие его с будущим, оказывается бессмертным». По праву он мог бы это сказать о себе.

Александр ДЕЙЧ,
писатель.
(АПН).

СВЕРШИЛСЯ Великий Октябрь. Из газет узнали, что наркомом просвещения назначен А. В. Луначарский. Сельским учителям это имя ничего не говорило.

Но вот промелькнуло в газетной хронике известие, что в Петрограде-бастовашине артисты бывших императорских театров, заслушав доклад Луначарского, устроили ему овацию и вынесли на руках... А потом в газетах и журналах замелькали статьи Луначарского по самым разнообразным вопросам культуры и науки. То и дело появлялись репортажные заметки о его выступлениях, неизменно сопровождавшихся огромным успехом у слушателей.

Теперь все чаще слышалось: «Опять наш нарком пишет...». Затем поздней осенью 1918 года были получены Декларация и Положение о Единой Трудовой школе. Впечатление огромное. Все увидели, что это боевое знамя своего времени, величайшее откровение, смело решавшее основные вопросы новой школы и педагогики. Необычайная глубина идей, полных высокого дерзания, преподносилась в изложении, написанном с подлинным художественным

блеском. Нельзя было не узнать почерк наркома.

Началась коренная перестройка школьной жизни.

Мы удивлялись и восхищались — как его хватало на редактирование журналов, на диспуты и доклады, на статьи и книги, на ежедневную работу в наркомате. Это была неслыханная и невиданная разнообразная деятельность. «Чертovski талантливый человек», — говорил о нем Ленин. Мы, учителя, полюбили нашего наркома. Мы гордились им.

Январь 1925 года. В Москве проходит I-й Всесоюзный учительский съезд. Это было поистине историческое событие в жизни советской школы, знаменовавшее крутой поворот всего учительства в сторону социализма, его сличение вокруг Коммунистической партии. Помню тот энтузиазм, ту взволнованность, которые царили на съезде и нашли потом созвучный отклик в сердце каждого педагога.

В течение девяти дней наш нарком среди нас. Мы его и видим, и слышим, и беседуем с ним, и спрашиваем. В перерывы он все время в окружении учителей. Внешне — впечатление скромно одетого интеллигента. Слегка покатым с зальсисной лоб. Умные, выразительные карие глаза. Пенсне. Обаятельная улыбка, притягивающая и располагающая. И удивительно прост. Прост во всем — как, видимо, большинство людей высшей культуры — в жестах, словах, в обращении, в неуловимых интонациях приятного голоса. И покоряющая доступность.

За свою жизнь я слышал многих людей с общепризнанным ораторским талантом. Но никто из них так не захватывал, не заставлял забывать окружающее, как А. В. Луначарский. Я слышал его несколько раз, в разное время, в разной обстановке. И все эти выступления превосходны.

У Анатолия Васильевича было все, что нужно первоклассному оратору. И личное обаяние, и поразительная память, дар импровизации, умение быстро парировать реплики, колоссальная эрудиция. Он никогда не читал, а говорил, с увлечением, порой страстно, образно, доходчиво и находчиво. Легко и непринужденно распоряжался словами, которые, кажется, сами летели к нему со всех сторон, а он налету брал из них самые меткие, яркие и убедительные.

С особым блеском развертывалось ораторское искусство Луначарского в дискуссиях, в выступлениях без предварительной подготовки, когда речь превращалась во вдохновенную импровизацию.

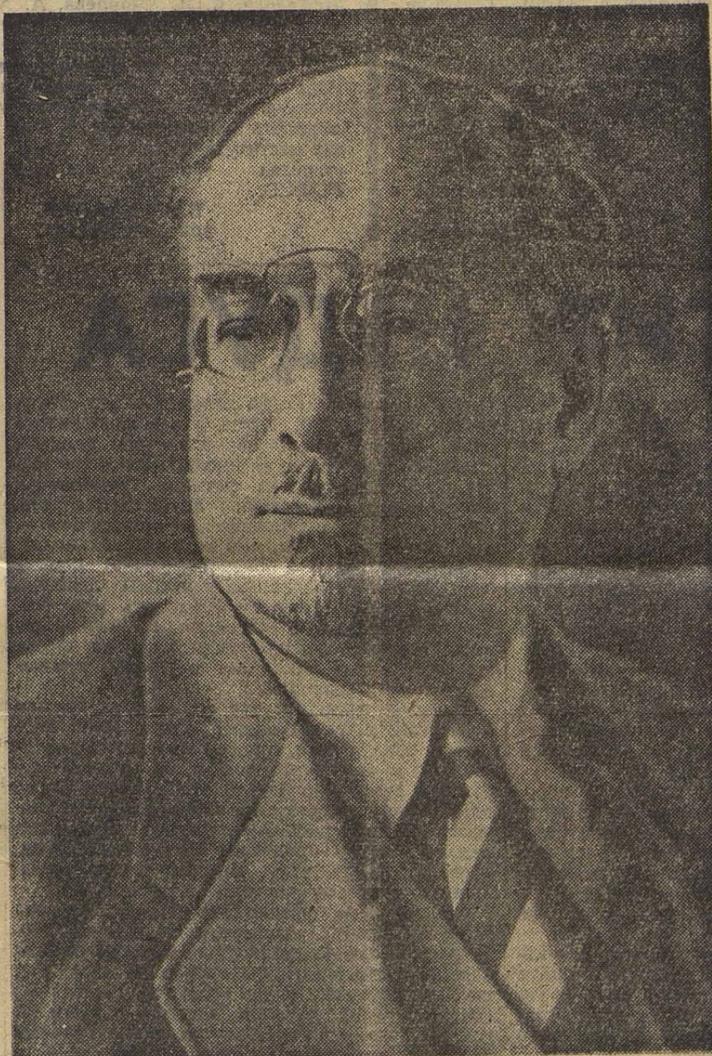
Зал Политехнического музея. Особенно много молодежи. Анатолий Васильевич говорит о быте (одна из актуальнейших тем 20-х годов). Аудитория то и дело взрывается со смехом, то бурными аплодисментами.

Антирелигиозный диспут с митрополитом Введенским. Аудитория в большинстве явно митрополичья. Но Луначарский с таким красноречием громит своего противника, что даже церковники, едва ли согласные с тем, что говорит оратор, ему аплодируют.

12 лет Анатолий Васильевич Луначарский руководил Наркомпросом, который ведал в то время всеми областями культуры: школой и вузами, издательствами и памятниками старины, театрами и наукой, литературой и политпросветработой. Чтобы свободно охватить все это, нужен был человек поистине энциклопедических знаний. Таким и был Луначарский, наш незабываемый первый нарком просвещения, наша учительская гордость и слава.

К. СЕЛИВАНОВ,
заслуженный учитель школы
РСФСР.

с. Карлинское,
Майнский район.

Анатолий Васильевич Луначарский.

Фотохроника ТАСС.